

АЛЕКСАНДРОВ А. М. — В ОСО НКВД

АЛЕКСАНДРОВ Александр Михайлович, родился в 1869. Получил высшее юридическое образование, с 1915 — политический защитник, в 1905 — защитник лейтенанта Шмидта. С 1918 — юрисконсульт в учреждениях Харькова, член Коллегии защитников. 8 февраля 1935 — арестован, 28 февраля ему объявлено о прекращении дела, но освобожден был из-под стражи только летом.

В марте 1936 — ходатайствовал о возвращении ему пишущей машинки, изъятой при обыске.

<4 сентября 1935>

«В ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ ПРИ НКВД

Александрова Александра
Михайловича, жив<ущего> в
Харькове по Черноглазовской
ул<ице>, 2/2, кв. 3

Ходатайство

28 июля с<его> г<ода> я был вызван в НКВД Харьковской области и меня ознакомили здесь с состоявшимся по моему делу решением Особого Сопещания при НКВД.

В той комнате, где мне было прочитано решение, стояла и отобранная у меня 8 февраля этого года пишущая машинка и, так как в решении Особого Сопещания не было указано, что моя машинка конфискуется, то я и просил вернуть ее мне.

Мне сначала ответили, что вопрос о машинке не уточнен и что только после его уточнения будет разрешена и судьба пишущей машинки, но, затем здесь же, от лица выше стоящего по служебному рангу, я услышал, что пишущая машинка обязательно будет мне возвращена в самом непродолжительном времени.

2 августа я снова справился о своей пишущей машинке и услышал уже другой вариант: мне сказали, что 7 августа окончательно будет разрешен вопрос, конфискована ли будет пишущая машинка или же она будет мне возвращена.

Так как со дня этого извещения прошел уже месяц, то я и позволяю себе возбудить ходатайство перед Особым Сопещанием при НКВД о возвращении мне моей пишущей машинки, полагая, что она не могла быть конфискована ни в порядке УК, ни в порядке УПК УССР.

1. Согласно ст<атьям> 21 и 22 УК УССР конфискация имущества причисляется к мерам социальной защиты и фактическое ее осуществление должно быть указано в специальной статье законов и определено в состоявшемся по данному конкретному случаю, решении. Но, так как я привлекался по ст<атье> 54, которой конфискация не предусматривается и так как о ней же в решении Особого Сопещания не говорится, то принадлежащая мне пишущая машинка и не могла быть конфискована в порядке УК УССР;

2. Но она и не могла быть конфискована и в порядке статьи 59 УПК УССР, как вещественное доказательство, т<ак> к<ак> таковым она в этом деле не была: с самого же начала я сказал, что рукописи написаны мною и на моей пишущей машинке, следовательно, и вопроса об авторстве рукописей и способе их написания вообще с самого начала не стояло, а потому доказывать еще при посредстве пишущей машинки, что отобранные у меня рукописи написаны именно на ней, — никакой

необходимости не было, а посему она и не могла быть вещественным доказательством. Ведь эти рукописи могли быть написаны и от руки, но не отбирается же перо и чернила, как вещественное доказательство в тех случаях, когда обвиняемый признает свое авторство, а также и то, что рукопись написана им собственноручно.

3. При обсуждении вопроса о возвращении мне моей пишущей машинки прошу Особое Совецание при НКВД принять во внимание следующее обстоятельство: а) на этой машинке я написал около 15 печатных листов исторических работ, уже изданных, о крупнейших исторических процессах эпохи революции 1905 года; б) на ней же я написал целый ряд литературных трудов: о Пушкине, Лермонтове, Чехове и Достоевском; в) ее отсутствие мешает мне продолжить литературные работы из эпохи революции 1905 года и, наконец, т^{ак} к^{ак} еще до состоявшегося обо мне решения Особого Совецания при НКВД меня уже исключили из состава Коллегии Защитников и своим обычным трудом юриста я не имею возможности заниматься, то в настоящее время пишущая машинка, выражаясь просто, — мой хлеб, т^{ак} к^{ак} при посредстве ее я мог бы заработать себе что-нибудь хоть в качестве переписчика.

А. Александров.

4 сентября 1935 г^{ода}¹.

К письму в ОСО НКВД было приложено справка Помполита об Александре Михайловиче Александрове.

«ОБ АЛЕКСАНДРОВЕ, АЛЕКСАНДРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ

А. М. Александров арестован 8 февраля с^{его} г^{ода} в Харькове местными органами НКВД.

Александров в течение двадцати лет до революции — политический защитник, выступавший во многих больших процессах, как то — рабочих Брянского завода в Екатеринославле, Русского Провиданса, Никопольского о^{бщест}ва в Мариуполе, в Очаковском процессе (лейтенанта Шмидта, Частника, Антоненко и других), С^{анкт}П^{етер}б^{ургского} Совета Рабочих Депутатов, Саратовской демонстрации, Декабрьском восстании в Донбассе, Новороссийской и Сочинской республиках, Люботинском восстании и во многих других процессах.

С первых дней Советской Власти на Украине — юрисконсульт советских учреждений и член Коллегии Защитников, приобретший себе, как-то признано было на чествовании его во время сорокалетнего юбилея, симпатии пролетариата города Харькова своими выступлениями в советских судах.

Александров — выдающийся своим талантом и мастерством в течение 40 с лишним лет судебный оратор, был всегда известен всем его знавшим по личной и общественной жизни, как человек открытый, прямой, не способный ни к какой конспиративной деятельности.

В 1933 г^{оду} Наркомюст Украины, чествуя Александрова по случаю сорокалетия его деятельности защитника, наградил его особым значком и благодарственной грамотой.

В 1932 г^{оду} после одного из процессов, который сильно волновал Александрова и требовал большого и длительного напряжения, его постиг удар, сопровождавшийся полной потерей речи, после чего он долго не мог оправиться. В конце 1933 г^{ода} удар повторился. Хотя организм

¹ ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 1539. С. 229. Машинопись, подпись и дата — автограф.

совладел с болезнью и второй раз, Александров вышел из нее очень ослабленным физически.

В 1932 г<оду> у Александрова умер его единственный, горячо любимый сын, а в декабре 1933 г<ода> умерла жена. Эти две смерти страшно потрясли его психически, и он до сих пор не может пережить их, находясь все время на грани отчаяния.

Вынужденный болезнью к одиночеству, Александров, при огромной широте умственных интересов, спасал себя от умственной деградации "беседками с самим собой" при помощи пишущей машинки, составив себе привычку "постоянно выстукивать" на ней возникающие мысли, что и подало, вероятно, повод к неосновательному доносу на него.

Находясь в вышеуказанном состоянии, будучи 66 лет отроду, Александров никакого умысла на совершение какого-либо государственного преступления иметь не мог и не может быть общественно опасным»².

В апреле 1936 — Александр Михайлович подробнее описал свой поход за машинкой после вызова в НКВД.

«19 апреля 1936 г<ода>.

Помощь Политическим Заключенным
Екатерине Павловне Пешковой

Только сегодня, — 19 апреля, — я узнал, что мое письмо заказное, посланное Вам 29 марта, не дошло.

В этом письме я весьма подробно описывал тот "инцидент", который случился со мною. Постараюсь изложить его еще раз:

Около 3 часов 26 марта я получаю телефонограмму из НКВД. Весь приятный женский голос говорит мне: "Вы Александров Александр Михайлович?" — Говорю: "Да". — "Так вот, завтра, т<о> е<сть> 27 февраля в 10½ часов дня приходите в НКВД и заберите Вашу пишущую машинку. Пропуск Вам будет готов в комендатуре, поднимитесь в 3-й этаж, комната № 147 и возьмите машинку". На эти слова я сказал: "Машинка в футляре, от меня до НКВД едва несли два взрослых человека, разрешите, поэтому прийти с домашней работницей".

"Сейчас я Вам скажу". Через несколько секунд слышу: "Так вот что, завтра в 10½ Вы придете не в комнату № 147, а в комендатуру, куда машинка будет отправлена". На следующий день в назначенный срок я вхожу к коменданту в кабинет. Вижу, что на окне стоит моя машинка, но уже без футляра. Я вынимаю свой паспорт, квитанцию НКВД, оставленную НКВД при отбирании машинки, и прошу вернуть ее мне.

В ответ получаю: "Подождите до 12 часов, сейчас мне некогда".

Я ухожу в приемную и начинаю ждать. Жду час, другой, третий и четвертый. Один раз комендант вышел в приемную, и я уже в изнеможении спросил его: "Ну, когда же?" Ответ был такой: "Мы передаем Вам очень ценную вещь, нужно оформить, нужно подписать одному начальнику, другому... Понимаете?" — "Да, я понимаю, но ведь директивный орган предложил Вам вернуть машинку, ведь из НКВД меня пригласили прийти и взять ее от Вас, а сегодня уже что-то другое".

В конце концов, комендант ушел, ушел и я вместе с домашней работницей, но перед отходом я вошел в его кабинет, и здесь мне сказали, чтобы я пришел 28 марта в час дня.

В час дня я снова пришел в НКВД. Машинка моя снова исчезла неизвестно куда, а комендант мне сказал: Несмотря на полученный приказ

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1539. С. 230. Машинопись.

из Москвы, машинку не можем вернуть, так как по справкам оказалось, что конфисковал еще в прошлом, 35 году, прокурор Харьковской области при НКВД.

"Кем, — спросил я, — прокурором? Особое совещание не конфисковало, Особое Совещание предложило вернуть машинку владельцу, а прокурор конфискует, но ведь такое право не предоставлено ни одному прокурору в мире?"

"Ну, а вот наш конфисковал. И пока эта конфискация не будет снята, машинку не возвратим. В этом смысле мы и сообщаем в Москву".

Повторяю, я немедленно сообщил об этом Вам и Н. К. Муравьеву.

Я хотел немедленно же, в порядке надзора, обжаловать незаконные действия Харьковского областного прокурора, но, не известив Вас и Ник<олая> Кон<стантиновича> Муравьева, который ведет мое дело, — не решился.

Но Харьковский областной прокурор при НКВД не только, так сказать, "исправил и дополнил" решение Особого Совещания, не имея на это никакого права, но он даже не известил об этом своем акте ни Особое Совещание, ни владельца конфискованного имущества и, тем самым, лишил меня возможности своевременно обжаловать это незаконное постановление.

Я, конечно, сам юрист и мог бы сам за себя бороться за нарушенную революционную законность тем лицом, которое поставлено ее охранять, но я прошу Вас защитить меня, так как самые элементарные права оказались нарушенными.

А. Александров»³.

В мае 1936 — Александр Михайлович Александров вновь просил помощи Е. П. Пешковой.

«24 мая 1936 г<ода>».

Помощь Политическим Заключенным
Екатерине Павловне Пешковой

Еще 26 февраля этого года Вы сообщили мне, "согласно полученной справке было дано распоряжение о возвращении мне пишущей машинки", неправильно у меня отобранной. Почти через месяц я получил из НКВД прямое предложение, хотя и данное по телефону: "прийти и забрать" машинку 27 марта в 10½ часов утра, которая будет у коменданта. Я пришел, видел коменданта, видел уже принесенную машинку, но, тем не менее, мне ее не выдали, ссылаясь на то, что ее в 1935 году "конфисковал" прокурор при НКВД Харьковской области, "пока этот запрет не аннулирован, машинку Вам выдать не можем, о чем и сообщаем в Москву".

Со своей стороны и я на другой день заказным и затем быстрым с обратной распиской сообщил Вам об этом "эпизоде", "инциденте" или даже я не знаю, как назвать случай, происшедший со мною.

Мое быстрое с обратной распиской получено Вами еще 23 апреля этого года, о чем, по крайней мере, свидетельствует такая надпись: "по довер<енности> 23-IV-1936 г<ода> Горб<унов>". Лично с моей стороны сделано все, чтобы так сказать восстановить нарушенную в отношении меня революционную законность.

И вот, несмотря на то, что из центра получен официальный приказ о возвращении мне пишущей машинки, несмотря даже на то, что дело это известно и прокуратуре Союза, машинка, тем не менее, мне не

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1539. С. 241-243. Автограф.

возвращается. Я старый политический защитник, всю жизнь работавший для своей родины, а теперь устранный из коллегии защитников и находящийся в состоянии хронической безработицы, обращаюсь к Вам еще раз с просьбой ответить мне, есть ли у меня надежда получить эту машинку и что для этого я должен предпринять.

А. Александров»⁴.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1539. С. 239-240. Автограф.